

© 2002 г.

ИСПОВЕДЬ ВЕЛИКОГО УЧЕНОГО: К ПУБЛИКАЦИИ ЛАТИНСКОЙ АВТОБИОГРАФИИ УЛЬРИХА ФОН ВИЛАМОВИЦ-МЁЛЛЕНДОРФА

1. БИОГРАФИЯ ВИЛАМОВИЦА¹

Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф родился в дворянской семье 22 декабря 1848 г. в родовом имении Марковиц (в тогдашней немецкой части Польши, в области Позен/Познань).

Первоначальное классическое образование Виламовиц получил в гимназии в Шульпфорте (местечко близ Наумбурга, в области Саксен-Анхальт), где обучался с весны («от Пасхи») 1862 г. до 9.IX.1867 г. Высшее образование получил в университетах Бонна, где обучался с октября 1867 г. по август 1869 г., и Берлина, где обучался с октября 1869 г. по 14.VII.1870 г.

После короткой военной интермедии – участия во Франко-прусской войне (с июля 1870 г. по июль 1871 г.) – Виламовиц совершил продолжительное путешествие в страны классической культуры, в Италию и Грецию, что стало важным дополнением к его университетскому образованию (с августа 1872 г. по апрель 1874 г.). Помимо знакомства с ландшафтом, населением и памятниками старины этих стран, полезными были также занятия в библиотеках Флоренции и Рима и расширение круга научных связей – в особенности в Риме, среди ученых, группировавшихся вокруг Немецкого Археологического института.

По возвращении на родину Виламовиц вплотную занялся своей академической карьерой. Он преподавал в университетах Берлина (зимний семестр 1874/75 г. – зимний семестр 1875/76 г.), Грейфсвальда (летний семестр 1878 г. – летний семестр 1883 г.), Гёттингена (зимний семестр 1883/84 г. – зимний семестр 1896/97 г.) и, наконец, снова Берлина (летний семестр 1897 г. – семестр 1929 г.).

Постепенно Виламовиц сформировался как выдающийся представитель науки классической филологии в Германии. Помимо на редкость продуктивной собственно ученой деятельности в качестве исследователя античности и университетского профессора, велико было значение также и его общественной деятельности. Он был видным, влиятельным членом Берлинской Академии наук. Под его руководством или при его участии выполнялись важные академические проекты, в частности продолжалось издание греческих надписей. Заметим также, что при его активном участии состоялось избрание в члены-корреспонденты Берлинской академии русского ученого-классика М.И. Ростовцева (в июне 1914 г.).

Политическая ориентация Виламовица отличалась принципиальным консерватизмом. В этой связи необходимо отметить его близость к германскому императорскому двору. В годы первой мировой войны он занимал ярко выраженную националистическую позицию, участвовал в составлении и подписании общественных манифестов в защиту германской политики. Отметим также участие членов его семьи в военных действиях и гибель старшего сына Виламовица Тихо (Тучо) на восточном фронте. В последующем для него были характерны неприятие ноябрьской революции 1918 г. и ностальгия по старому режиму.

¹ Для знакомства с жизнью и ученой деятельностью Ульриха фон Виламовиц-Мёллендорфа важны прежде всего его собственные весьма содержательные воспоминания: *Wilamowitz-Moellendorff U. von. Erinnerungen 1848–1914*. Lpz, 1928 (2. Aufl. – 1929). Далее см.: *Бузескул В.П.* Введение в историю Греции. Изд. 3-е. Пг., 1915. С. 515–519; *Жебелев С.А.* Памяти Виламовиц-Мёллендорфа // ИАН ООИ. 1932. № 1. С. 1–13; *Jaeger W.* Gedächtnisrede auf Ulrich von Wilamowitz-Moellendorff. B., 1932; *Schwartz Ed.* Ulrich von Wilamowitz-Moellendorff (1932) // *Idem.* Gesammelte Schriften. Bd I. B., 1938. S. 368–382; *Patzer H.* Wilamowitz und die klassische Philologie (1953) // *Idem.* Gesammelte Schriften. Stuttgart, 1985. S. 54–67; *Abel W.* Studium Berolinense 1924–1931. I. Ullrich von Wilamowitz-Moellendorff // Gymnasium. 1981. 88. S. 389–408; *idem.* Ulrich von Wilamowitz-Moellendorff // *Berlinische Lebensbilder*. Bd IV. B., 1989. S. 231–252; *Wilamowitz nach 50 Jahren / Hrsg. von William M. Calder III, Hellmut Flashar, Theodor Lindken.* Darmstadt, 1985 (статьи разных авторов).

Виламовиц был женат на старшей дочери знаменитого специалиста по римскому праву и истории Теодора Моммзена Марии. В свою очередь, его собственная дочь Доротея стала женой видного классика барона Фридриха Гиллер фон Герtringена.

Виламовиц прожил долгую жизнь, до конца дней своих не прекращая научных занятий. Он умер в Берлине на 83-м году жизни, 25 сентября 1931 г.

II. НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО ВИЛАМОВИЦА

Предметом научных интересов Виламовица была главным образом античная Греция, а областями занятий – греческая филология и история. Здесь он выступал в таком же качестве всеобъемлющего исследователя и мэтра, как и его знаменитый тесть Т. Моммзен в сфере истории и культуры древнего Рима. Научное наследие Виламовица огромно². Условно вся масса созданного им может быть разделена на следующие группы:

1. *Работы филологического характера* (упоминаем только о монографических исследованиях) – о греческой комедии (докторская диссертация, 1870 г.), об эллинистической учености (монография «Антигон из Кариста», 1881), о гомеровском эпосе (монографии 1881 и 1916 гг.), об Эврипиде («Геракл», 1889), о Сафо и Симониде (1913), о Пиндаре (1922), об эллинистической поэзии времени Каллимаха (1924) и др. Особо отметим краткий, но выразительный общий очерк древнегреческой литературы (1905).

2. *Издания античных авторов*: в частности – Каллимаха (1882), «Афинской политики» Аристотеля (1891, совместно с Г. Кайбелем), греческих поэтов-буколиков (1905), Эсхила (1914), Гесиода (1928).

3. *Работы исторического или культурно-исторического характера* – о проблемах источниковедения и истории древних Афин в связи с открытием «Афинской политики» Аристотеля (двухтомная монография «Аристотель и Афины», 1893), о политической мысли древних греков (1919), о Платоне (1919), о религиозных верованиях греков (1931–1932). И здесь также особо отметим общий, но весьма содержательный очерк о греческом обществе и государстве (1910).

4. *Работы, специально посвященные науке классической филологии*. Среди них выделяются два памфлета против Фридриха Ницше в связи с опубликованием его сочинения «Рождение трагедии» (1872 и 1873 гг.), общий очерк истории классической филологии (1921), а также книга воспоминаний, содержащая обстоятельные зарисовки из научной жизни (1928).

Малые произведения Виламовица собраны в монументальном многотомном издании, публикация которого растянулась более чем на треть века³.

Оценивая в целом научное творчество Виламовица, надо отметить его приверженность к тогдашнему критическому направлению. Так, он отвергал историчность Ликурга и приписываемой ему в античной традиции первоначальной законодательной реформы в Спарте⁴. При всем том его труды отличались как обстоятельностью историко-филологического анализа (прекраснейший пример – книга «Аристотель и Афины»), так и богатством идей. Для иллюстрации сошлемся на высказанное в очерке греческой литературы суждение о порочности распространенной манеры за сохранившимися произведениями древних авторов обязательно выискивать их несохранившиеся прототипы и отдавать предпочтение именно этим последним (мысль, развитая на примере Ксенофонта и Антисфена). Или другое суждение (высказанное там же и в том же контексте) – о бесплодности кинической философии⁵. Категоричность, прямо-таки безапелляционность этих суждений, порой задевавшая чувства других специалистов, не должна ставить под сомнение нередкую их верность по существу.

Сложнее обстоит дело с оценкой общего взгляда Виламовица на существо науки об античности. Здесь он шел в русле взглядов, развитых до него Ф.А. Вольфом и А. Бёком. В его представлении научное антиковедение воплощается в классической филологии, которая в зависимости от предмета конкретного изучения подразделяется на ряд родственных дисциплин, совокупными усилиями которых достигается глобальная цель – постижение античной культуры

² Библиография работ Виламовица: Wilamowitz-Bibliographie 1868–1929 / Hrsg. von Fr. Hiller von Gaertringen und G. Klaffenbach. B., 1930.

³ Wilamowitz-Moellendorff U. von. Kleine Schriften. Bd I–VI. B., 1935–1972.

⁴ Idem. Homerische Untersuchungen (Philologische Untersuchungen, 7). B., 1884. S. 267–285.

⁵ Idem. Die griechische Literatur des Altertums // Wilamowitz-Moellendorff U. von u.a. Die griechische und lateinische Literatur und Sprache (Die Kultur der Gegenwart, Tl. I. Abt. 8). 3. Aufl. Lpz.-B., 1912. S. 131.

в ее целости⁶. Неудивительно, что следствием такого убеждения было презрительное отношение к науке античной истории, которой отказывалось в праве на самостоятельное существование, что вызвало в самой Германии резкие возражения известных специалистов по древней истории Эд. Мейера и Р. Пёльмана, а в России (в более острой форме) – В.П. Бузескула⁷.

Мы подошли, таким образом, к самой сути научного кредо Виламовица. В этом плане несомненно будут интересны предельно откровенные суждения знаменитого классика, содержащиеся в его автобиографических очерках.

III. ОБЗОР АВТОБИОГРАФИЙ ВИЛАМОВИЦА

В разные годы Виламовицем были написаны семь автобиографий⁸, а именно:

1. Короткая, без заглавия, составленная по-немецки в Шульпфорте 10.VIII.1867 г. в связи с просьбой о допуске к выпускному экзамену (полторы рукописных страницы).

2. «Mein Leben» – более пространная, составленная также по-немецки в Шульпфорте 9.IX.1867 г. как часть выпускного сочинения – *Valediktionsarbeit* (6 рукоп. стр.). Впервые была опубликована американским ученым Вильямом Колдером в 1971 г.⁹ 18-летний юноша заканчивает свою автобиографию примечательным, обращенным к самому себе призывом, куда включены стихи Эврипида – слова хора из «Безумного Геракла». «Итак, – пишет он, – вперед (also vorwärts):

οὐ παύσομαι τὰς Χάριτας
Μούσαις σὺγκαταειγνύς, ἄδισταν συζυγίαν.
μὴ ζῶην μετ' ἀμουσίας,
ἀεὶ δ' ἐν στεφάνοισιν εἶην –

Нет, не покину, Музы, алтарь ваш;
Вы же, Хариты, старца любите!
Истинной жизни нет без искусства...
Зеленью плюща белые кудри
Я увенчаю.

(Euripides. *Hercules Furens*, 674–677, пер. И. Анненского)».

3. «Vita scriptoris» – составлена по-латыни в июле 1870 г. в качестве приложения к докторской диссертации (*Observationes criticae in comoediam Graecam*. Berlin, 1870. P. 58–59).

4. Автонекролог для издания «*Ecce der Landesschule zur Pforte*», составленный до 1914 г. и действительно опубликованный после смерти Виламовица в этом издании (Naumburg, 1931. S. 8–11).

5. Краткий автобиографический очерк (*Bildungsgang*), составленный в 1922 г. при избрании в Венскую Академию наук.

6. «Воспоминания» («*Eripnerungen 1848–1914*»), составленные в семейном имени Марковиц в июне 1928 г. и в том же году опубликованные в Лейпциге (более 300 страниц плотного текста). За титульным листом следует посвящение: «Моей жене ко дню золотой свадьбы».

7. Составленная по-латыни 6.III.1928 автобиография, содержащая, впрочем, не событийную канву жизни, а характеристику духовного развития автора (4 рукоп. стр.). Она была обнаружена среди бумаг покойного Виламовица его зятем Фридрихом Гиллер фон Гертрингеном и впервые опубликована, с согласия членов семей Виламовиц-Мёллендорфов и Моммзенов, в 1981 г. все тем же В. Колдером¹⁰. Эта последняя автобиография особенно примечательна как своим сжатым латинским стилем, так и предельной откровенностью содержащихся в ней признаний.

⁶ Для более обстоятельного знакомства с этими взглядами Виламовица см., в частности: *Wilamowitz-Moellendorff U. von. Philologie und Schulreform. Prorektoratsrede, gehalten zur akademischen Preisverteilung am 1. Juni 1892 [in Göttingen] // Idem. Reden und Vorträge. 3. Aufl. B., 1913. S. 98–119.*

⁷ См. *Бузескул В.П. Введение в историю Греции. С. 566–569.*

⁸ В обзоре этих материалов мы следуем В. Колдеру, ссылки на работы которого даются ниже.

⁹ *Calder III, W.M. Ulrich von Wilamowitz-Moellendorff: An Unpublished Autobiography // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1971. XII. P. 561–577.*

¹⁰ *Idem. Ulrich von Wilamowitz-Moellendorff: An Unpublished Latin Autobiography // Antike und Abendland. 1981. XXVII. P. 34–51.*

(A) Quaerentibus qui maxime me eum effecerint qui sum, saepe respondi, e scholis professorum, quibus interfui perpauca neque gravia me didicisse.

Sed *Portensibus magistris*, quos summa pietate colo, cum alia debeo tum maxime quod impediverunt, ne immaturus (quod facile poteram) classes pervolitare.

Sed ut verum fatear, plurimum me sentio eis debere quos vivos non vidi, et aequalibus quoque, etiam si vidi, per libros potius quam per sermones. quos recensere, ut memoria obferbat, institui 6.III.28.

Lessing 1865/6 (ante quem maxime Shakespeare et Homerus me iam puerum XI annorum ceperant. Hom. deinde non tenuit animum, semper tenuit Shak.) πολυμαθία, critica, audacia pugnandi, rationalismus. Maxime Anti-Goeze, *Litteratur-briefe*, tum dramaturgia.

Plato autumnno 66 *Symposio* me initiavit, ψυχὴν ἔρωτι subdidit. Religionem dedit, qua omnino carueram. Christiana cor meum numquam intravere. in dies magis me tenuit tenebit. sed totus Plato, a Protagora ad Leges.

Philosophorum recentiorum tantum *Spinozam* eatenus legi, adulescens, ut ipse suspicere possem. Kantium ariditate et rationalismo deterritus celeriter abiici. Γόητες, Schopenhauer et sequaces, ne tantum quidem valere, ut odissem. sensi statim rationis debilitatem. sensi «ils ne sont pas sérieux».

(A) Тем, кто спрашивал меня: кто в особенности сделал меня тем, что я есть, – я часто отвечал, что из занятий [первых] учителей, которые я посещал, я вынес немного и несущественное.

Но *наставникам Пфорты*, которых я почитаю с величайшей любовью, я обязан как многим иным, так и в особенности тем, что они помешали мне (что я легко мог сделать) перепрыгивать из класса в класс.

Но, сказать по правде, более всего я чувствую себя обязанным тем, которых я не видел в жизни, равно как и сверстникам, которых если и знал, то скорее по их книгам, чем по живому общению. Их я решил исчислить так, как подсказывала память, 6.III.28.

Лессинг (до которого меня уже в 11-летнем возрасте захватили Шекспир и Гомер, причем позднее Гомер не сохранил своей власти над моим духом, а Шекспир сохранил навсегда) – [Лессинг] в 1865/6 г. [пленил меня] многознанием (πολυμαθία), критикой, смелостью полемики, рационализмом. В особенности [были интересны] его [памфлет] «*Анти-Гёце*», письма о литературе, а затем драматургия.

Платон меня увлек осенью 1866 г. своим «*Пиром*», подчинил душу Эросу [ψυχὴν ἔρωτι subdidit]. Дал мне религию, которой я вовсе был лишен. Христианское учение никогда не проникало в мое сердце. Платон же со дня на день все больше пленял и будет пленять меня. Но – весь Платон, от «*Протагора*» до «*Законов*».

Из новейших философов я в молодости читал только *Спинозу*, до такого предела, что сам мог созерцать [глубину его мысли]. Напротив, Канта, устранный его сухостью и рационализмом, я быстро забросил. Шарлатаны-γόητες Шопенгауэр и его последователи не значили для меня даже столько, чтобы их ненавидеть. Я сразу почувствовал ущербность их мысли. Я понял: «они – не всерьез» [ils ne sont pas sérieux]¹².

¹¹ В тексте и переводе круглые скобки принадлежат Виламовицу, в переводе в квадратные скобки заключены отдельные, казавшиеся необходимыми, дополнения. В сопровождающем перевод комментарии поясняются только имена ученых – специалистов в филологии и истории. Имена более известных писателей, философов и религиозных деятелей за немногими исключениями оставлены без пояснения. При составлении комментария мы, естественно, пользовались примечаниями В. Колдера в его вышеуказанной работе.

¹² Французское выражение, судя по кавычкам, – цитата, однако источник неизвестен.

Goethius (si a poeta recesseris) me cepit demum 67, superabat Platonem 69–87, dein sensim Platonis cedebat. classicismo enim deterrebat.

E philologis *Welckerium* amare sponte coepi 68, sequi constitui statim, et veneror multumque feci ut alii venerarentur. *Hermannum* et *Lachmannum* praeceptores monstrabant; debeo utriusque philologica multa. sed venit dies qui docebat, neutrum mihi satis facere.

Boeckhium et *O. Muellerum* nemo recte mihi monstrabat. itaque studiosius legere coepi cum animum ipse iam firmassem. itaque vix quidquam ad educationem ingenii mei contulerunt, quamvis pluris eos aestimare didici quam *Lachm.* et *Herm.*

At *Reiskium* 1878 adamavi. didicit me, quid esset graece scire, et contemnere iudicium aequalium.

J. Grimm 67–70 *Mythol. Kl. Schr. Gesch. d. deutsch. Sprache* multum in me excitavit, quae facilius ab *O. Muellero* accipere poteram. Lectitabam tunc temporis multa e vetustis litteris Germanicis; raro, sed subinde redii, vel 1902 integrum *Godofredi Tristanum* relegi, *Ovidiana* gratia delenitus. Eddam eodem tempore penitus exhausti *Simrockianam*. praeferebam *Homero*.

Gёте (если отвлечься от его творчества поэта) захватил меня лишь в 1867 г., затем, между 1869 и 1887 гг., превзошел влиянием даже Платона, но потом постепенно стал уступать Платону. Ибо стал отпугивать меня своим классицизмом.

Из филологов я по собственному побуждению в 1868 г. увлекся *Велькером*¹³. Я сразу же решил следовать ему и с тех пор почитаю его и много сделал для того, чтобы и другие почитали. На *Германа*¹⁴ и *Лахмана*¹⁵ мне указали мои наставники; каждому из них я многим обязан в филологии. Но пришел день, когда стало ясно, что ни один из них не удовлетворяет меня.

На *Бёка*¹⁶ и *О. Мюллера*¹⁷ никто своевременно мне не указал. Поэтому я начал прилежнее их читать, когда сам уже окреп духом. Ввиду этого они вряд ли чем-либо содействовали формированию моего дарования, хотя я научился более их ценить, чем *Лахмана* и *Германа*.

Зато в 1878 г. я полюбил *Рейске*¹⁸. Он научил меня, что значит понимать по-гречески, равно как и презирать суждение современников.

*Я. Гримм*¹⁹ в 1867–1870 гг. своей «Мифологией», «Малыми сочинениями» и «Историей немецкого языка» много пробудил во мне такого, что я легче мог получить от *О. Мюллера*. В ту пору я много читал из старой германской литературы; редко, но все же возвращался к ней и позднее, даже заново перечитал в 1902 г. «Тристана» *Готфрида [Страсбургского]*²⁰, очарованный его овидиевской прелестью. В то же время я до дна исчерпал «Эдду» *Шимрока*²¹. Я предпочитал ее Гомеру.

¹³ Велькер (*Welcker*) Фридрих-Готтлиб (1784–1868) – немецкий филолог-классик, внесший крупный вклад в изучение греческой поэзии, искусства и религии.

¹⁴ Герман (*Hermann*) Готтфрид (1772–1848) – немецкий филолог-классик, глава так называемой грамматической школы, культивировавшей изучение памятников античной литературы с чисто филологической точки зрения.

¹⁵ Лахман (*Lachmann*) Карл (1793–1851) – немецкий филолог-классик, видный представитель так называемого аналитического направления в изучении гомеровского эпоса, создатель теории «малых песен».

¹⁶ Бёк (*Boeckh*) Август (1785–1867) – немецкий филолог-классик и историк, прославившийся изданием «Свода греческих надписей», заложившей основы изучения античной экономики.

¹⁷ Мюллер (*Müller*) Карл-Отфрид (1797–1840) – немецкий филолог-классик и историк, ученик А. Бёка, положивший начало изучению ранней греческой истории, известный также трудами по греческой мифологии, искусству и литературе.

¹⁸ Рейске (*Reiske*) Иоганн-Якоб (1716–1774) – немецкий филолог-классик, известный своими изданиями древних авторов, мастер критики текста.

¹⁹ Гримм (*Grimm*) Якоб-Людвиг-Карл (1785–1863) – немецкий филолог, автор фундаментальных исследований по немецкой мифологии, истории и грамматике немецкого языка.

²⁰ Готфрид Страсбургский (рубеж XII–XIII вв.) – немецкий поэт, автор оригинальной стихотворной версии средневекового рыцарского романа «Тристан и Изольда».

²¹ «Эдда» – собрание древних германских (скандинавских) сказаний. Здесь имеется в виду перевод на нововерхнегерманский, выполненный К. Шимроком (1851 г.).

Droyseni Aristophanes 1869 effecit ut Curtium contemnerem, in historia Attica nihil novi a Muellero Struebing discerem.

Mommsen, cuius hist. puer ingurgitavi, inde ab 1872 totum me cepit, plurima me docuit, sed non vir virum sed per libros. nam nihil umquam adiuvaré me poterat: ipse multum et laboris et curarum in eius gratiam consumpsi, et laudantur multa et bona in eius historia(e) V quae scio mea esse. multum etiam effecit exemplo suo, ut impotentem animum in me coacerem. nam perhorruí in eo impotentiam et vini et linguae et ambitionis. denique me docuit similiter invito exemplo iniurias non solum tolerare salva et pietate et ingenii admiratione, sed etiam beneficiis redimere.

☉

D. Strauss 1866–72, nec cessit viri probi et elegantis et integri cultus. sed dederat quae dare poterat.

Zeller 1873–83 vasta et bene disposita doctri-na; rectitudine sentiendi et constantia agendi.

Wellhausen 1878 et vir et per libros cepit; inde ab 82 per libros. ei debeo, quod scio quid sit religio, religionem ipsam enim habebam Platonicam, licet subinde adolescentulus obli-viscerer. monstravit Carlylium, quem adamavi, donec mel exhaustum esset, fel sprevi. sed Well.

«Аристофан» Дройзена²² в 1869 г. произвел на меня такое впечатление, что и стал презирать Курциуса²³; равным образом я не узнал ничего нового по части аттической истории у Мюллер-Штрюбинга²⁴.

*Моммзен*²⁵, в чью «[Римскую] историю» я погрузился еще в детстве, начиная с 1872 г. захватил меня целиком и многому научил, но не как человек – человека, а через свои книги. Ведь он никогда ни в чем не мог мне помочь, сам же я потратил много трудов и забот ради него. Между прочим, в 5-м томе его «Истории» называют много хороших мест, которые, – я-то знаю – принадлежат мне. Он также много содействовал своим примером, чтобы я обуздывал собственный неукротимый дух. Ибо меня ужасала в нем необузданность по части вина, языка и тщеславия. Наконец, сходным образом, своим невольным примером он научил меня не только переносить обиды, не теряя приятни и восхищения [его] умом, но и отплачивать услугами.

*Д. Штраус*²⁶ [занимал меня] в 1866–1872 гг., и почитание этого достойного, изысканного и безупречного человека никогда у меня не прекращалось. Но он дал мне то, что мог дать.

*Целлер*²⁷ в 1873–1883 гг. [привлекал меня] обширной и хорошо упорядоченной ученостью, верностью суждения и последовательностью действия.

*Велльгаузен*²⁸ в 1878 г. захватил меня и как человек и через свои книги; затем, с 1882 г., – через книги. Ему я обязан тем, что знаю, что такое религия, саму же религию я усвоил платоновскую, хотя в юности не раз забывал об этом. Он указал мне на

²² Дройзен (Droysen) Иоганн-Густав (1808–1884) – немецкий историк, в молодые годы занимавшийся переводом и исследованием комедий Аристофана, но более всего прославившийся своей «Историей эллинизма».

²³ Курциус (Curtius) Эрнст (1814–1896) – немецкий историк, известный своими работами по исторической топографии древней Греции, автор «Греческой истории» и «Истории города Афин».

²⁴ Мюллер-Штрюбинг (Müller-Strübing) Герман (1812–1893) – немецкий историк, представитель критического направления в греческом источниковедении, известный своими нападка́ми на Фукидида.

²⁵ Моммзен (Mommsen) Теодор (1817–1903) – немецкий историк, автор широко известной «Римской истории» и более специальных трудов по римскому праву, издатель «Свода латинских надписей». Как уже упоминалось, Вилламовиц был женат на дочери Моммзена Марии.

²⁶ Штраус (Strauss) Давид-Фридрих (1808–1874) – немецкий теолог и историк христианства, автор знаменитой книги «Жизнь Иисуса».

²⁷ Целлер (Zeller) Эдуард (1814–1898) – немецкий историк, автор трудов по истории греческой философии.

²⁸ Велльгаузен (Wellhausen) Юлиус (1844–1918) – немецкий востоковед, семитолог и библиист, коллега Вилламовица по университету в Грейфсвальде.

et ad historiam mean, ut contemnerem historicos, cum Mommseno plurima contulit.

Taine ca. 1885 legere coepi. qui per tempus paene me traduxerat ad nimium loci naturae generalium cultum. quod ut corrigerem C. Justi (Velasquez) maxime effecit, cuius Winkelmannum adulescens totum hausi.

eodem fere tempore et iam prius (inde fere ab 80) Gallos, Voltaire Diderot legere coepi. et multa multum legi, a Rabelais ad Verlaine. quos cum recte aestimasset, in tenebras recessere Germani veteres, etiam Lessing. Gallis et ex parte Italis debeo quod scio quid sit scribere, h.e. artem et artificia. scio quam prope absint Galli a Graecis saeculorum IIIa – IV p.

saec. XX sensim a Romanis ad Teutonicas gentes declinavi. effeci enim ut linguas eorum aut facilius legerem aut addicerem. quibus mirum quantum delectabar. visitavi terras, amicitias contraxi. ideoque de linguarum omnium vi, de dicendi arte, de summa quae ars non videtur arte rectius sentire coepi.

(В) quibus nihil debeo.

inter philologos: Usener. philosophis praeter Graecos omnibus exceptis: Spinoza Shaftesbury.

Карлейля²⁹, которого я полюбил, пока не был исчерпан его мед, а желчь я отверг. Помимо этого Велльгаузен вместе с Моммзеном много дал и для моего исторического образования, чтобы я стал презирать историков.

*Тэн*³⁰ я начал читать около 1885 г. На время он почти что привел меня к неумеренному почитанию места, природы, общих [начал]. Чтобы я справился с этим увлечением, более всего содействовал К. Юсти (Веласкес)³¹, чей труд о Винкельмане я целиком проглотил еще в юности.

Примерно в то же самое время, и даже раньше (примерно с 1880 г.), я начал читать французов [Gallos] – Вольтера, Дидро. И много прочел разного, от Рабле до Верлена. Когда я правильно оценил их значение, старые германцы, в том числе даже Лессинг, отступили в тень. Французам [Gallis] и отчасти итальянцам [Italis] я обязан тем, что знаю, что значит писать, т.е. искусство и соответствующие приемы. Я знаю, сколь близко отстояли галлы от греков с III в. до н.э. по IV в. н.э.

В XX в. от романских я постепенно обратился к северогерманским народам [ad Teutonicas gentes]. Ведь я добился того, что стал легче читать или научиться их языкам³². Удивительно, сколько удовольствия я находил в этих занятиях. Я посетил [разные] страны, завязал там дружеские отношения. И вот по этой причине я начал правильнее судить о значении всех языков, об искусстве речи, о высшем искусстве, которое не бьет в глаза.

(В) [Теперь о тех], кому я ничем не обязан.

Среди филологов – Узенеру³³.

Философам – помимо греков, всем, за исключением Спинозы и Шафтсбери³⁴.

²⁹ Карлейль (Carlisle) Томас (1795–1881) – английский публицист, историк и философ, проповедовавший культ героев.

³⁰ Тэн (Taine) Ипполит-Адольф (1828–1893) – французский литературовед, искусствовед, философ и историк.

³¹ Юсти (Justi) Карл (1832–1912) – немецкий искусствовед, автор фундаментального труда «Винкельман и его современники», а также работ об испанских художниках Мурильо и Веласкесе.

³² По мнению В. Колдера, Виламовиц имеет в виду в особенности английский и датский языки.

³³ Узенер (Usener) Герман (1834–1905) – немецкий филолог-классик, специально исследовавший начала греческой религии и мифологии. Виламовица, с его культом эллинства, отталкивала в Узенере склонность того к широкому компаративистским лингвистическим и культурологическим исследованиям.

³⁴ Шафтсбери (Shaftesbury) Энтони-Эшли-Купер (1671–1713) – английский философ-моралист и эстетик, близкий платонизму.

Historicis: Ranke Niebuhr (i.e. historiae Romanae) non viro vere historico. admirari virum summum didici vir ipse maturus. Grote.

Sed ab archaeologis discere semper eram cupidus.

Christianis omnibus. a Paulo deinceps. vel eis quos admiror velut Schleiermacher Augustinus. Pascal aut quos diligo ut Gregorius S. Franciscus.

Историкам – Ранке³⁵, Нибуру (т.е. его «Римской истории»)³⁶, не бывшему по правде историком. Восхищаться этим великим человеком я научился, лишь сам повзрослев. Еще – Гроту³⁷.

Однако я всегда жаждал учиться у археологов.

[Наконец], всем христианам, начиная с [апостола] Павла. И даже тем, кем восхищаюсь, как, например, Шлейермахер, Августин, Паскаль, или кого люблю, как, например, Григорий³⁸ и Святой Франциск [Ассизский].

V. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СУЖДЕНИЯ ПО ПОВОДУ НАУЧНОЙ ИСПОВЕДИ ВИЛАМОВИЦА В ЕГО ЛАТИНСКОЙ АВТОБИОГРАФИИ

Как уже было подчеркнуто издателем латинской автобиографии Вилламовица В. Колдером, этот документ поражает своей исключительной искренностью и, конечно же, доставляет важный материал для суждения о личности великого немецкого филолога. В первую очередь важны, конечно, указания Вилламовица на те положительные факторы, которые содействовали формированию его как ученого. Среди них первое место занимает обучение в классической гимназии, где он уже получил достаточную филологическую подготовку. Надо думать, что эта подготовка была должным образом продолжена и завершена в университете, но об этом Вилламовиц не говорит.

Далее, важно было ранее знакомство и последующее глубокое изучение Платона, что должно было не только приобщить начинающего филолога к драгоценнейшим истокам классической культуры, но и привить высокое религиозно-философское и эстетическое чувство. Развитию в этом направлении содействовало также знакомство с характерными представителями философской и эстетической мысли нового времени – Спинозой и Шафтсбери, Лессингом, Гёте и Тэнном. Наряду с этим, в плане профессиональной подготовки, свою роль сыграло знакомство Вилламовица с плодами современной, главным образом немецкой гуманитарной науки: с трудами филологов – Якоба Гримма, Велькера, Рейске, Велльгаузена, и историков – Моммзена и Дройзена.

Наконец, заслуживает внимания признание Вилламовицем той большой роли, которую сыграло в шлифовке его филологических познаний и литературного вкуса знакомство с языками и литературой не только германского, но и романского круга. Это признание вдвойне значимо, поскольку оно исходит от представителя той немецкой элитарной прослойки, которая в особенности была пропитана духом национальной исключительности и предубеждения.

Вместе с тем (а может быть, и еще более) интересны и значимы суждения критического или даже негативного плана. Так, впечатляет критическое суждение о Моммзене, бывшее, по видимому, камнем преткновения при решении вопроса о возможности публикации обсуждаемого документа. А между тем его значение очевидно, поскольку оно проливает дополнительный свет как на личность великого историка-романиста, так и на те непростые отношения, которые сложились между ним и его суровым зятем.

Более принципиальный характер носят суждения Вилламовица по мировоззренческим, религиозно-философским вопросам. По-своему понятно ясно заявленное отвержение философии иррационализма, «шарлатанов» Шопенгауэра и его последователей, среди которых первым должен значиться Ницше. К последнему у Вилламовица были особые претензии в связи с опубликованием Ницше трактата «Рождение трагедии», в котором строгий филолог справед-

³⁵ Ранке (Ranke) Леопольд (1795–1886) – немецкий историк, автор трудов по средневековой и новой истории, основоположник так называемой объективной школы в немецкой историографии.

³⁶ Нибуру (Niebuhr) Бартольд-Георг (1771–1831) – немецкий историк, разрабатывавший проблемы ранней римской истории, создатель научной исторической методологии.

³⁷ Грот (Grote) Джордж (1794–1871) – английский историк, автор обширнейшей (в 12 томах) «Истории Греции».

³⁸ По указанию В. Колдера, здесь имеется в виду Григорий Нисский (около 335–395), один из греческих отцов церкви, культивировавший традиции платонизма.

ливо усмотрел отход от собственно научной точки зрения³⁹. Однако, с другой стороны, настораживает отрицание какого-либо значения христианства, что делает Виламовица – не менее, чем Ницше, – ответственным за последующее ниспровержение моральных ценностей в нацистской Германии.

Наконец, показательны для прирожденного филолога, каким был Виламовиц, критические выходы против историков – не только против Нибура, в творчестве которого Виламовиц верно угадал, но несправедливо осудил большую роль, так сказать, внеучного элемента – фантазии, но и против других представителей исторической науки (Курциуса, Мюллер-Штрюбинга), которых он склонен был презирать именно как историков. В выходах такого рода ясно звучит эхо никогда не умирающего среди антиковедов спора о сравнительной значимости филологии и истории, спора, вполне, однако, разрешимого с позиций достаточно традиционной у нас в России историко-филологической школы.

Как бы то ни было, при всей спорности отдельных суждений, латинская автобиография Виламовица – ценнейший документ, важный именно для истории науки о классической древности. Здесь заключена подлинная духовная исповедь великого ученого, побуждающая к размышлениям о типе антиковеда старой немецкой школы и судьбе как самой этой школы, так и немецкого гуманизма вообще.

Э.Д. Фролов

A CONFESSION OF THE GREAT SCHOLAR: ON THE OCCASION OF THE
PUBLICATION OF THE LATIN AUTOBIOGRAPHY BY ULRICH VON
WILAMOWITZ-MOELLENDORFF

E.D. Frolov

The famous German scholar U. von Wilamowitz-Moellendorff (1848–1931) composed several surveys of his own life and work. Especially interesting is his short Latin autobiography which was written in the last years of his life but published not until 50 years after his death. This document throws a new light on Wilamowitz' spiritual and scientific formation as well as on more general questions of the development of German classical scholarship and European humanism.

---

³⁹ Споры Виламовица с Ницше посвящены специальные работы: *Groth J.H.* Wilamowitz-Moellendorff on Nietzsche's "Birth of Tragedy" // *Journal of the History of Ideas*. 1950. V. XI. P. 179–190; *Calder III. W.M.* The Wilamowitz – Nietzsche Struggle: New Documents and A Reappraisal // *Nietzsche Studien*. 1983. XII. P. 214–254; *Mansfeld J.* The Wilamowitz – Nietzsche Struggle: Another New Document and Some Further Comments // *Ibid*. 1986. XV. P. 41–58.